

О большой стратегии

Джон Льюис Гэддис, известный американский историк и автор книги «Холодная война», удостоившейся самых положительных критических отзывов, уже почти два десятилетия ведет вместе со своими коллегами Чарльзом Хиллом и Полом Кеннеди семинар по большой стратегии в Йельском университете. В своей новой работе Гэддис рассказывает о том, чему он научился за эти годы, высказывая глубокие и остроумные мысли.

На огромном историческом интервале от античности до Второй мировой войны Гэддис анализирует теорию и практику большой стратегии на примерах Геродота, Фукидида, Сунь-цзы, Октавиана Августа, Августина Блаженного, Макиавелли, Елизаветы I, Филиппа II, отцов-основателей США, Клаузевица, Толстого, Линкольна, Вильсона, Франклина Д. Рузвельта и Исайи Берлина.

Джон Льюис Гэддис

О БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 327
Г 98

JOHN LEWIS GADDIS

ON GRAND STRATEGY

Гэддис, Джон Льюис

Г 98 О большой стратегии. / Джон Льюис Гэддис. — Киев: Изд. дом «СВАРОГ», 2023. — 398 с.

ISBN 978-966-370-796-9

Джон Льюис Гэддис, известный американский историк и автор книги «Холодная война», удостоившейся самых положительных критических отзывов, уже почти два десятилетия ведет вместе со своими коллегами Чарльзом Хиллом и Полом Кеннеди семинар по большой стратегии в Йельском университете. В своей новой работе Гэддис рассказывает о том, чему он научился за эти годы, высказывая глубокие и остроумные мысли.

На огромном историческом интервале от античности до Второй мировой войны Гэддис анализирует теорию и практику большой стратегии на примерах Геродота, Фукидида, Сунь-цзы, Октавиана Августа, Августина Блаженного, Макиавелли, Елизаветы I, Филиппа II, отцов-основателей США, Клаузевица, Толстого, Линкольна, Вильсона, Франклина Д. Рузвельта и Исайи Берлина.

*Посвящается
Николасу Брейди (выпуск 1952 года), Чарльзу Джонсону
(выпуск 1954 года) и Генри («Сэму») Чонсимладшему
(выпуск 1957 года) — большим стратегам*

ISBN 978-966-370-796-9

УДК 327

Copyright © 2018, John Lewis Gaddis
© Издательский дом «Сварог», 2023.

Предисловие

Я понимаю, что название книги может вызвать у многих недоумение. Тем не менее тут есть преце денты: я могу, например, назвать книгу «О тирании» Тимоти Снайдера, моего коллеги с историче ского факультета Йельского университета. А Сенека, еще задолго до него, написал книгу «О скоротечно сти жизни». Но больше всего меня смущают воз возможные возражения поклонников Карла фон Клау зевица, к числу которых отношусь и я сам. Его труд «О войне», опубликованный посмертно (1832), стал образцом для всех позднейших авторов, пишущих на тему войны и связанную с ней необходимым об разом тему большой стратегии. Мое оправдание в написании еще одной подобной книги состоит лишь в ее краткости (которая, кстати, не была силь ной стороной Клаузевица: эта книга охватывает больше лет, чем его труд, при половине объема последнего).

Книга выросла из двух моих встреч с вопросами большой стратегии, отделенных друг от друга четвертью века. Первой из них стал курс «Стратегия и политика», который я вел в Военноморском колледже с 1975 года по 1977 год при обстоятель ствах, описанных в конце второй главы, второй — мое ежегодное участие в качестве преподавате ля в семинаре Йельского университета «Вопросы большой стратегии» с 2002 года по настоящее время. Оба курса всегда строились в большей степе ни на классических текстах и разборе исторических примеров, чем на изучении теории. Но если семинары в Ньюпорте, занимавшие один семестр, были в основном ориентированы на офицеров, находящихся примерно в середине их военной карьеры, то на курс в Йельском университете, который занимает два семестра, зачисляются студентыба калавры, студентывагистранты и слушатели специализированных учебных заведений, а также один подполковник Сухопутных войск США и один под полковник Корпуса морской пехоты, находящиеся на

действительной военной службе¹.

Оба курса ведутся на коллегиальной основе: каждый из тематических разделов семинара в Ньюпорте обычно ведут один гражданский и один военный преподаватель; в Йельском университете состав преподавателей может быть разным. Мы с моими коллегам Чарльзом Хиллом и Полом Кеннеди с самого начала работали «тройкой»: мы вели все занятия вместе, споря друг с другом перед студентами и давая им индивидуальные консультации (не всегда согласованные друг с другом). При этом мы умудряемся оставаться соседями и близкими друзьями. Учреждение в 2006 году программы Брейди Джонсона «Большая стратегия» позволило нам включить в число преподавателей специалистов практиков: среди них были Дэвид Брукс, Уолтер Рассел Мид, Джон Негропonte, Пегги Нунан, Виктория Нуланд, Пол Солман, Джейк Салливан и Ивен Волфсон. К работе над курсом привлекались и другие преподаватели Йельского университета: Скотт Бурман (факультет социологии), Элизабет Брэдли (до 2016 года — школа изучения проблем здравоохранения, в 2016–2017 годах — директор программы Брейди Джонсона, в настоящее время — президент колледжа Вассар), Беверли Гейдж (исторический факультет, с 2017 года — директор программы Брейди Джонсона), Брайан Гарстен (факультет политологии, гуманитарный факультет), Нуно Монтейро (факультет политологии), Кристина Талберт Слэгл (исследования в области эпидемиологии и здравоохранения) и Адам Туз (ранее — исторический факультет, ныне — профессор Колумбийского университета).

Коллеги научили меня очень многому, и это еще одна из причин, почему я чувствую себя обязанным рассказать, чему именно я у них научился. Это происходило неформально, через восприятие их основных идей, и вполне самобытно, так что мои учителя не несут никакой ответственности за результаты: они лишь дали первый толчок моему движению по этому пути и уже не могли влиять на него в дальнейшем. Ища «сквозные» закономерности, сохраняющие свое действие независимо от времени, пространства и масштаба²,

я чувствовал себя вправе временно «снимать» их ограничения для целей сравнительного анализа и даже простой беседы: в книге Августин может иногда разговаривать с Макиавелли, а Клаузевиц с Толстым. Последний, в свою очередь, был на стоящим мастером воображения, который дал мне больше всех; но мне также немало помогли Вергилий, Шекспир и Ф. Скотт Фицджеральд. Наконец, я часто возвращался к идеям сэра Исаяи Берлина, с которым я познакомился, когда бывал в Оксфорде в 1992–1993 годах. Надеюсь, что ему было бы приятно, что его считают мастером большой стратегии. Знаю, что он нашел бы это забавным.

Мой литературный агент Эндрю Уайли и мой редактор Скотт Мойерс больше верили в эту книгу, чем я сам, когда начал ее писать. Вновь работать с ними было для меня большим удовольствием, как и еще раз воспользоваться помощью всей группы блестящих профессионалов издательства Penguin: Энн Годофф, Кристофера Ричардса, Мии Каунсил, Мэтью Бойда, Брюса Гиффордса, Деборы Вейс Гелин и Юлианы Киан.

Я особенно признателен студентам Йельского университета, посещавшим мой семинар «„Лисы“ и „ежи“» осенью 2017 года, которые устроили жесткий и трезвый тестдрайв для каждой главы этой книги: Моргану АгиарЛукандеру, Патрику Байндеру, Роберту Бринкману, Алессандро Бурати, Диего ФернандесуПагесу, Роберту Хендерсону, Скотту Хиксу, Джеку Хильдеру, Генри Айсману, Индии Джун, Деклану Кункелю, Бену Маллету, Александеру Петрилло, Маршаллу Ранкину, Николасу Релига, Гранту Ричардсону, Картеру Скотту, Саре Сеймур, Дэвиду Шаймеру и Джареду Смитю. Мне также помогали студенты, ведущие свои научные проекты: Купер Д'Агостино, Мэтью Ллойд Томас, Дэвид Маккуллох III, Кэмпбелл Шнебли Свансон и Натаниэл Зелински.

Президенты Йельского университета Ричард Левин и Питер Салови с самого начала активно поддержали идею преподавания проблем большой стратегии. То же самое касается их специального по мощника и одного из

первых слушателей семинара Теда Виттенштейна. Нам помогли удержать верный курс заместители директоров Сектора изучения проблем международной безопасности и Программы БрейдиДжонсона: Уилл Хичкок, Тэд Бромунд, покойный Минь Луонг, Джеффри Манкофф, Райан Ирвин, Аманда Бем, Джереми Фридман, Кристофер Миллер, Эван Уилсон и Иэн Джонсон, а также со трудники, работающие в университетском конференццентре на Хилхауз, 31 — Лиз Вастакис, Катлин Гало, Майк Сконежны и Игорь Бирюков. Моя жена Тони Дорфман — преподаватель, ученый, наставник молодежи, актриса, сценарист, режиссер театральных постановок и опер барокко, литературный и выпускающий редактор, отменный кулинар, ночной психотерапевт и любовь всей моей жизни, которая уже двадцать (!) лет помогает мне сохранять физическое и душевное здоровье.

Это посвящение — также дань моего уважения двум выдающимся благотворителям нашей программы и одному ее мудрому координатору: их кругозор, щедрость и всегда ценные советы — не в последнюю очередь их совет «учить людей здравому смыслу» — были нашим якорем и компасом, да и самим кораблем, на котором мы плывем.

Дж. Л. Г.
НьюХейвен, Коннектикут
Осень 2017 года

ГЛАВА I

Переход через Геллеспонт

Время: 480 год до н. э. Место: Абидос, город на азиатском берегу Геллеспонта, где пролив сужается и составляет чуть больше полутора километров в ширину. Сцена достойна Голли вуда в его лучшие дни. Ксеркс, царь царей Персии, как сообщает нам историк Геродот, восходит на трон, установленный на холме, откуда он может обозревать свое полуторамиллионное войско. Будь там даже десятая часть от указанного количества, что, видимо, более соответствует действительности, эта армия по размеру примерно равнялась бы силам Эйзенхауэра в «День Д» в 1944 году. Моста через Геллеспонт не существует и сегодня, но у Ксеркса их было два: один опирался на триста шестьдесят, другой — на триста четырнадцать связанных вместе кораблей; оба моста были дугообразными: это должно было компенсировать действие ветра и течений. Дело в том, что самый первый мост был уничтожен штормом, и разгневанный царь велел отрубить головы его строителям, а сами воды высечь и заклеить. Считается, что где-то на дне пролива до сих пор лежат железные оковы, которые царь приказал бросить в воду, чтобы расквитаться со стихией.

В этот день, однако, воды спокойны и Ксеркс доволен. Но вдруг в его глазах появляются слезы. Артабан, его дядя и советник, спрашивает, что с ним.

«Посмотри на все эти тысячи людей, — отвечает царь, — ведь через сто лет никого из них уже не будет в живых»¹. Артабан утешает своего господина, напоминая ему обо всех невзгодах, что делают жизнь невыносимой, а смерть — желанным избавлением. Ксеркс соглашается с этим, но все же требует, чтобы Артабан сказал ему как на духу: под держал ли бы он задуманное предприятие — второе

персидское вторжение в Грецию за десять лет, — если бы они оба не увидели один и тот же страшный сон? Теперь уже задрожал Артабан: «Меня до сих пор переполняет ужас».

После того как Артабан отговорил Ксеркса мстить грекам за поражение Дария, отца Ксеркса, при Марафоне десятью годами ранее, этот сон по сей день Ксеркса дважды. Как будто предвосхищая

«Гамлета» — тот появится только спустя два тысячелетия, — призрак царственного вида, явившийся ему и разговаривавший с ним как отец, поставил ему ультиматум: «Если ты сейчас же не начнешь свою войну, то так же быстро, как ты достиг величия и могущества, их утратишь». Сначала Артабан посмеялся над этим рассказом и отказался принять его всерьез, но Ксеркс заставил его поменяться с ним одеждой и лечь спать на царском ложе. При этом явился снова и привел Артабана в такой ужас, что он проснулся с громким криком и немедленно начал призывать царя к новому походу. После этого Ксеркс отдал необходимые распоряжения. В Сардах было собрано огромное войско, на развалинах Трои принесена в жертву тысяча коров, и когда армия уже стояла перед готовыми мостами у Геллеспонта и готовилась к переправе, царь дал своему дяде последний шанс высказать свои сомнения, если таковые еще оставались.

Несмотря на виденный кошмар Артабан не может сдержаться. Враги, ожидающие впереди, предупреждает он, — это не только греки, какими бы грозными противниками они ни были. Это сами суша и море. Нужно будет пройти по землям, омываемым Эгейским морем, которые не могут прокормить столь многочисленную армию. В шторм негде будет укрыть корабли, ибо гаваней не доста точно. Измождение и даже голод могут наступить еще раньше, чем доведется провести хотя бы одно сражение. Благоразумный полководец «страшит ся и обдумывает все, что может с ним случиться, но, когда приходит время действовать, проявляет мужество». Ксеркс терпеливо слушает, но возражает, что «если взвешивать все обстоятельства, никогда ничего не совершишь. Лучше быть отважным и преодолеть половину

того, что нас пугает, нежели [просчитывать] все угрозы и избегать всех последствий. Без больших опасностей не бывает больших побед».

Дело решено. Ксеркс отправляет Артабана обратно управлять империей, а сам устремляет свои помыслы к удвоению ее размеров. Он молит солнце дать ему сил завоевать не только Грецию, но и всю Европу. Он велит разбросать миртовые ветви по мостам. Он приказывает своим жрецам воскурить фимиам. Он также уболагодворяет возлиянием Геллеспонт: выливает в его воды вино и затем бросает туда золотой кубок, в который оно было налито, золотую чашу, в которой его смешивали, и меч. Теперь можно было начинать переход, который занял семь дней и семь ночей. Когда на европейском берегу пролива оказывается сам Ксеркс, он слышит слова какого-то грека, в ужасе вопрошающего, зачем Зевс принял обличье персидского монарха и привел с собой «всех людей мира». Разве не мог он уничтожить Грецию сам?²

I

Две тысячи четыреста девятнадцать лет спустя один оксфордский профессор отвлекся от своих занятий, чтобы отправиться на вечеринку. Исая Берлин, которому в то время было тридцать лет, родился в Риге, вырос в Санкт-Петербурге и, став в восьмилетнем возрасте свидетелем большевистской революции, уехал вместе с родителями в Англию. Там он вполне преуспел, овладел новым языком, хотя так и не избавился от акцента, блестяще сдал экзамены в Оксфорд и стал первым в истории евреем, избранным в члены ученого совета Колледжа всех душ. К 1939 году он преподавал философию в Новом колледже (основанном в 1379 году), постепенно становясь убежденным противником логического позитивизма (согласно которому ни что не имеет значения без воспроизводимой верификации) и всю

наслаждаясь жизнью.

Берлин был искрометным собеседником, который впитывал новые идеи как губка и не упускал возможности блеснуть в обществе и узнать что-то новенькое. На этой вечеринке, точная дата которой неизвестна, он встретился с Джулианом Эдвардом Джорджем Аскуитом, вторым графом Оксфордом и Аскуитом, который заканчивал тогда курс античной филологии в Бейлиолколледж. Лорду Оксфорду попала любопытная строчка древнегреческого поэта Архилоха Паросского. Звучала она, как запомнил ее Берлин, так: «Лис знает много се кретов, а еж один, но самый главный»³.

Эти слова сохранились лишь как отрывок, их контекст был давно утрачен. Но они уже однажды привлекли внимание ученого эпохи Возрождения Эразма Роттердамского⁴, а теперь заинтересовали и Берлина. Может быть, они могли бы стать принципом классификации великих писателей? Если да, то Платон, Данте, Достоевский, Ницше и Пруст были бы «ежами». Аристотель, Шекспир, Гете, Пушкин и Джойс — конечно же, «лисами».

«Лисой» был и сам Берлин, питавший недоверие к большинству «больших» теорий, вроде логического позитивизма, но чувствовавший себя уютно среди менее претенциозных идей⁵. С началом Второй мировой войны Берлин на время оставил своих зверей и не возвращался к ним до 1951 года, когда он использовал их как отправную точку в своем эссе о философии истории Толстого. Через два года оно вышло небольшой отдельной книжкой «Ёж и лиса».

«Ежи», объясняет Берлин, «все и вся соотносят с некой ключевой точкой зрения», которая «придает смысл всему, что они говорят и делают». «Лисы» же, напротив, способны «одновременно заниматься многими предметами, зачастую не имеющими друг к другу никакого касательства, а то и вовсе противоположными, связанными между собой разве что дефакто». Это различие просто, но не произвольно: оно задает «точку опоры для того, кто намерен наблюдать и сравнивать, отправной пункт для добросовестного исследова

ния». Возможно, оно даже отражает «одно из глу бочайших различий между писателями, мыслителями, а то и вообще между людьми».

Однако высказав эту яркую мысль, Берлин не смог многое объяснить с ее помощью, если не считать Толстого. Он утверждал, что этот великий человек стремился быть «ежом»: роман «Война и мир» должен был, по его мысли, раскрыть законы движения истории. Но Толстой был слишком честен, чтобы отрицать своеобразие личности и не предвиденные обстоятельства, которые противятся подобным обобщениям. Поэтому он наполнил свой шедевр едва ли не самыми «лисыими» пас сажами во всей мировой литературе, зачаровывая ими читателей, спокойно пропускающих разбросанные по всей книге исторические рассуждения в «ежовом» стиле. Разрываемый противоречиями, к концу жизни Толстой — «отчаявшийся старик, которому никто не в состоянии помочь, поскольку он сам себе выколол глаза и бредет [подобно Эдипу] в Колон», — заключает Берлин⁶. Если говорить о биографии Толстого, это было упрощением. Толстой действительно умер на никому не известной железнодорожной станции в 1910 году в возрасте 82 лет, уйдя из дома. Однако вряд ли им двигало отчаяние по поводу оставшихся десятки лет назад неувязок в «Войне и мире»⁷. Не очевидно также, чтобы Берлин упомянул Эдипа с какой-то более глубокой целью, а не просто ради эффектной и драматичной концовки для своего эссе. Пожалуй, слишком драматичной, поскольку она предполагала непреодолимые различия между «лисами» и «ежами». Берлин, казалось, говорил, что нужно быть или одним, или другим. Нельзя быть и тем и другим одновременно и при этом быть счастливым. Или эффективным. Или просто цельным.

Поэтому Берлин был удивлен — хотя, пожалуй, и доволен, как человек, удачно сыгравший озорную шутку, — когда популярность его зверушек стала лавинообразно расти, причем задолго до появления интернета. Их стали упоминать в журналах и книгах. Появились даже карикатуры, вообще не требовавшие объяснений⁸. В университетских аудиториях

профессора начали спрашивать у своих студентов:

«Является ли X [речь могла идти о любой исторической личности или литературном персонаже] „ли сой“ или „ежом“?» Студенты начали спрашивать у своих профессоров: «Что лучше [в этот или любой другой момент], быть „ежом“ или „лисой?“» И те и другие начали спрашивать самих себя: «К какому из этих полюсов должен стремиться я?» Затем: «Смогу ли я там удержаться?» И, наконец: «И кто же я, в конце концов?».

Благодаря оксфордской вечеринке, фрагменту из Архилоха и эпосу Толстого, Берлин нечаянно открыл два лучших приема, позволяющих оставить неизгладимый след в области мысли. Первый — вы ражаться в дельфийской манере — известен всем прорицателям с незапамятных времен. Второй — подражать Эзопу: сделай выразителями своих идей животных — и они станут бессмертными.

II

Геродот, живший с 480х по 420е годы до н. э., мог слышать о «лисах» и «ежах» Архилоха (680–645 годы до н. э.). Он цитировал поэта в другом контексте и, таким образом, мог знать его стихотворение — если оно сохранилось к тому времени, — в котором «лисы» и «ежи» впервые появились⁹. Даже если это и не так, трудно читать повествование Геродота об Артабане и Ксерксе, не чувствуя в советнике беспокойную «лису», а в монархе — самоуверенного «ежа».

Артабан говорит о цене, которую приходится платить — в виде огромных усилий, нехватки еды, нарушения коммуникации, падения боевого духа и всего остального, что может пойти не так, — при перемещении любой большой армии через любое боепространство на воде или на суше. Для достижения успеха нужно идти на слишком большие риски. Разве Ксеркс не понимает, что «бог разит молнией» только тех, кто замахивается на большие дела, в то время как

малые начинания не вызывают его раздражения? Артабан призывает Ксеркса разобрать мосты, распустить армии и отправить всех домой, где худшее, что их может ждать, — это но вие страшные сны.

Ксеркс, оплакивающий тех, кого не будет в живых через сто лет, мыслит шире и дальше. Если смерть — цена жизни, то почему же не заплатить меньшую цену за то, что сделает жизнь достойной памяти? Зачем быть царем царей, если тебя забудут? Укротив Геллеспонт, он уже не может остановиться. Мосты должны куда-то вести. Великие армии имеют с собой все необходимое, чтобы ничего не могло пойти «не так», а если это все же случится, чтобы это не имело значения. «Нас ведет бог, поэтому, когда мы сами начинаем наши многообразные предприятия, нас ждет успех»¹⁰.

Артабан придает значение внешним условиям, зная, что ландшафт может помочь армии или со здать для нее трудности, что флот никогда полностью не контролирует море, по которому идет, и что предсказать погоду не в состоянии ни один смертный. Полководцы должны различать ситуации, в которых они могут действовать, и обстоятельства, которые они должны принимать, полагаясь только на то искусство, которое допускается обстоятельствами. Ксеркс же преобразует внешние условия вокруг себя. Он обращает воду в почву (более или менее твердую), наводя мосты через Геллеспонт. Он обращает твердую землю в воду, прорывая канал через полуостров Афон — из «чистой гордыни», говорит нам Геродот, — чтобы его кораблям не приходилось огибать его¹¹. Царя не волнует, какие обстоятельства он должен принять: он готов сровнять с землей любое препятствие на своем пути. И доверяет он только божественной деснице, наделившей его такой властью.

Близорукий Артабан видит прямо перед собой столько вещей, что его врагом становится само их многообразие. Дальнозоркий Ксеркс видит только дальнюю перспективу, где устремления совпадают с возможностями: такая простота — это прожектор, который освещает ему путь. Артабан постоянно меняет свое мнение. Цель его поворотов и зигза

гов, как и у Одиссея, — привести его домой. Ксеркс, пересекая Геллеспонт, становится Ахиллом. Его единственным домом станут будущие повествования о совершенных им деяниях¹².

Так что у этой «лисы» и этого «ежа» нет ни каких точек соприкосновения. Артабан, предостережения которого не услышаны, отправляется на восток от Абидоса и исчезает из книги Геродота, который его больше не упоминает. Ксеркс идет на запад, взяв с собой свою армию, свой флот и своего историка¹³, а также всех последующих летописцев персидского нашествия. Геллеспонт, граница между континентами, теперь также разделяет два образа мышления, которые предвосхитил Архилох, которые потом популяризирует Берлин и которые в конце XX века будут определены еще точнее благодаря новым достижениям социальных наук.

III

Задавшись целью понять, чем определяется точность наших прогнозов, Филип Тетлок, американский исследователь в области политической психологии, собрал вместе со своими помощниками 27451 прогноз по вопросам международной политики за период с 1988 по 2003 год, данный 284 «экспертами»: сотрудниками университетов, государственных учреждений, исследовательских центров, международных организаций и СМИ. Книга Тетлока «Экспертное политическое суждение», вышедшая в 2005 году и полная таблиц, графиков и уравнений, содержит результаты этого самого обстоятельного из когда-либо проводившихся исследований о том, почему одним людям удается предсказывать будущее, а другим — нет.

«Кто были эксперты — их профессиональный опыт, статус и т. д., — едва ли хоть на йоту меняло результаты, — делает вывод Тетлок. — Как и то, что они думали, — были они либералами или консерваторами, реалистами или институционалистами, оптимистами или пессимистами».

Но то, «как думали эксперты — их стиль мышления, — имеет значение». Важнейшей переменной оказалась самоидентификация в качестве «лисы» или «ежей», когда экспертов ознакомили с определениями этих терминов, по Берлину. Результаты были однозначны: «лисы» оказались намного более искусными предсказателями событий, чем «ежи», чьи прогнозы были близки к результатам шимпанзе, играющего в дартс.

Пораженный этими результатами, Тетлок попытался выяснить, чем отличались его «лисы» от его «ежей». «Лисы» опирались в своих прогнозах на интуитивное «совмещение разнообразных источников информации», а не на выводы, полученные на основе каких-то «основополагающих схем». Они сомневались в том, что «туманный предмет политики» когда-либо мог бы стать «объектом точной науки». Лучшим из них было «свойственно рассуждать с самоиронией», «не принимая ни одну мысль без критики». Однако они обычно слишком умствовали (слишком тщательно обосновывая свои утверждения), чтобы удержать внимание аудитории. Ведущие ток-шоу редко приглашали их по второму кругу. Люди, от которых что-то зависит, считали, что у них нет времени их выслушивать.

«Ежам» Тетлока, напротив, чужда была самоирония, и они отменяли всякую критику. Агрессивно используя широкие формулировки, они «в нетерпении щетинились на тех, кто „не сечет“». Когда вырытые ими интеллектуальные ямы становились слишком глубокими, они просто напросто рыли глубже. Они становились «пленниками своих предубеждений» и своего самодовольства. Их громкие и яркие заявления хорошо было цитировать, но имели мало общего с тем, что происходило потом.

На основе всего этого Тетлок вывел «теорию правильных суждений», согласно которой «самокритичные мыслители лучше понимают творческую динамику развивающихся ситуаций, более осторожны в оценке собственных прогнозов человеческих способностей, лучше помнят свои ошибки, менее склонны к их оправданию, более расположены к

своевременному пересмотру своих представлений и — благодаря всем этим положительным качествам — имеют больше шансов реалистично оценивать вероятность будущих событий»¹⁴. Ины ми словами, у «лис» получается лучше.

IV

Критерием хорошей теории является ее способность объяснять прошлое — ведь только при этом условии мы можем доверять ее возможным выводам о будущем. Однако «прошлое» Тетлока составляло полтора десятилетия, в течение которых он проводил свой эксперимент. Геродот нам дает возможность применить заключения Тетлока — правда, без такого аккуратного учета ограничивающих условий — к эпохе, весьма далекой от нашей. Несмотря на расстояние, они на удивление хорошо работают. Переправившись через Геллеспонт, Ксеркс начал свое продвижение, уверенный в том, что размеры его армии и великолепие его свиты сделают сопротивление бесполезным: «даже если бы все греки и, более того, все люди, живущие в западных странах, собрались вместе, они не смогли бы сразиться со мной». Пока Ксеркс двигался через Фракию, Македонию и Фессалию, все вроде бы шло по плану, хотя его движение неизбежно было очень медленным.

Его армия была столь велика, что выпивала целые реки и озера до того, как все ее части переправлялись на другой берег. Львы (все еще многочисленные в этой местности) распробовали верблюдов, на которых везли припасы. И даже покладистые греки были просто не в состоянии удовлетворить кулинарные запросы Ксеркса: один из них принес благодарность богам за то, что царь обедает лишь один раз в день, потому что, если бы от его горо да потребовали обеспечить столь же обильный завтрак, как и обед, который требовал Ксеркс, его жителям осталось бы или бежать, или быть «стертыми в пыль, испытав то, что еще не выпадало на долю ни одного народа на земле»¹⁵.

Содержание

Предисловие.....	3
Глава 1. Переход через Геллеспонт.....	7
Глава 2. Длинные стены.....	35
Глава 3. Учителя и привязки.....	70
Глава 4. Душа и государство.....	100
Глава 5. Государь как осевая фигура.....	129
Глава 6. Два Новых Света.....	161
Глава 7. Величайшие мастера большой стратегии.....	195
Глава 8. Величайший президент.....	227
Глава 9. Последняя и лучшая надежда.....	267
Глава 10. Исая.....	309
Примечания.....	328

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Джон Льюис Гэддис

О БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ

(Російською мовою)

Підписано до друку 01.02.2023 р. Формат 60x84 1/16.
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 24,75. Тираж 300 прим.

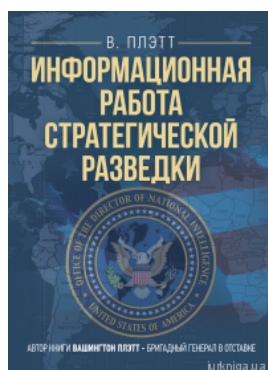
Видавничий дім «СВАРОГ»
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного
реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

Книги, які можуть вас зацікавити

Стратегія непрямих дій

Інформаційна робота стратегічної розвідки. Основні принципи

Прицельное мышление. Принятие решений по методикам британских спецслужб

Секретная инструкция ЦРУ по технике обманных трюков и введению в заблуждение

46 секунд

Разведка и контрразведка

Перейти до галузі права
Військове право

[Перейти на сайт](#) →